

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №15 ГАЗЕТА

Александр Ломтев / Ветер над морем

ЛОМТЕВ Александр Алексеевич

Родился в 1956 году. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Директор ООО «Информационное агентство «Саров». Основатель, главный редактор и издатель общественно-политических газет «Саров», «Знай наших!», «Арзамас-16» и культурно-просветительской газеты «Саровская пустынь». Прозаик, поэт, публицист, заместитель председателя Нижегородской организации Союза писателей России).

Как журналист побывал во многих «горячих точках» — Чечне, Косове, Южной Осетии, Приднестровье и т.д.

Публиковался в различных научно-популярных, общественно-политических и литературных журналах в России и за рубежом («Журналист», «Офицеры», «Журналистика и медиарынок», «Нева», «Сибирские огни», «День и ночь», «Крещатик», «Север», «Подъём», «Новый берег» и т.д.).

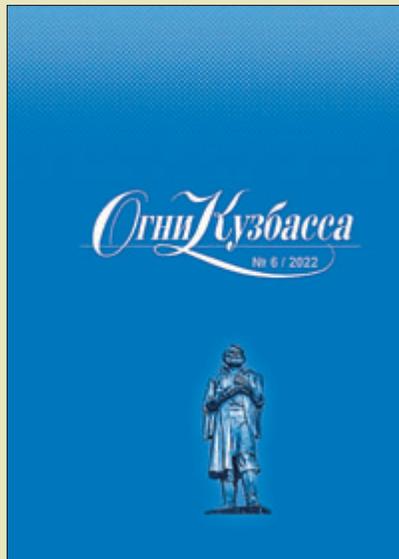
Автор семи книг. Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура», Международной премии им. А. Куприна, финалист Бунинской премии в номинации «Открытие года»; премии «Иду на грозу» и т.д. Лауреат премий Союза журналистов России, «Золотой гонг», «Золотой лотос, премии «Патриот России» и др.

Автор четырёх персональных выставок графики.

Живёт и работает в г. Саров Нижегородской обл.

Журнал «Огни Кузбасса»

Сергей ДОНБАЙ

Второй фронт

Когда мы под самой Москвой
За землю свою погибли,
Тогда вы нам тем, что второй
Откроете фронт, помогли...

Мы сами в Европу вошли.
Мы смерть за неё принимали.
Вы всё ещё были вдали.
Вы всё ещё нам обещали.

Когда же мы кровью своей
Досыта войну напоили,
Вы фронт свой открыли скорей —
Как будто на праздник спешили!

Тепло ли вам было вдали,
Когда на правах чемпионства
Вы сразу два солнца зажгли
В стране восходящего солнца?

Раздвинул расчёт горизонт:
Вы в звёздах окопы отрыли...
Когда-то открыли вы фронт —
Закрывать до сих пор позабыли.

Появление журнала «Огни Кузбасса» приходится на то время, когда народ только что отпраздновал Великую Победу в Отечественной войне, страна поднималась, шли великие стройки, которые явились основанием государства и остались им в наше время. В этом ряду достойным сравнением со строительством у нас в Кузбассе новых шахт, КМК, Запсиба, химических предприятий будет создание в 1949 году своего журнала, тогда альмана-

ха «Сталинский Кузбасс», который через некоторое время был переименован на «Огни Кузбасса».

С 2004 года — «Огни Кузбасса» становится журналом и выходит 4 раза в год (главный редактор С. Л. Донбай).

С 2006 года — журнал выходит 6 раз в год.

Это уже новый век, в котором журнал отметил своё 74-летие, имеет свой сайт, на него объявлена подписка, он приобрёл статус журнала писателей России.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»
38915 на полугодие;

в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 № 15 /1932/ Основана в 1927 г.

Александр Ломтев

Ветер над морем

ЛЁПА, ИЛИ СЕМЬ ДНЕЙ В ВОСЬМИДЕСЯТОМ

Трёхлетний карапуз семенил от лужи к луже, старательно шлёпал зелёными сапожками по воде и кричал, радуясь сверкающим на солнце брызгам:

— Лёп, лёп, лёп!

— Ах ты, «лёпа», опять весь вымок с головы до ног, — весёлая мама подхватила его под мышки, подняла, поставила на асфальт, — айда штаны менять, «лёпа» эдакий...

Город лежал в междуречье, на границе мордовских и муромских лесов, словно в зелёной колыбели. Он утопал в липовых скверах, тополиных аллеях, сиреневых зарослях, слушал ночами гул корабельных сосен. Каныки и коршуны безбоязненно селились в пригородных лесах, совы ночами ухали за окнами в парках и скверах, лисы на рассвете приходили поживиться к мусорным контейнерам, а вёснами лосихи приводили лосят прямо в городские дворы. Всё как в любом другом среднестатистическом среднерусском городке — колоколенка в центре наполовину уцелевшего монастырского подворья, Дом культуры и дом-со-шпилем сталинского ампира, Вечный огонь, стадион, пара кинотеатров, автоматы с газированной водой, сквер с фонтаном, в центре которого зимой и летом стояли легко одетые представители трёх человеческих рас, держа на вытянутых мускулистых руках железный земной шар; кварталы сталинок, окружённые хрущёвками, рафинадный строй девятиэтажек, россыпь финских домиков и деревенский самострой частных домишек вдоль по окраине.

Но стоит уйти за город и пересечь лесные дебри, везде, куда ни отправишься, вскоре набредёшь на два ряда заграждений из колючей проволоки и контрольно-следовую полосу между ними. А если немного подождёшь, то обязательно увидишь, как вдоль полосы пройдут автоматчики, у одного из которых на поводке неременная крупная чепрачная или серая восточноевропейская овчарка. Ждать, однако, не стоит: заметят — заметут...

Понедельник

В одно прекрасное свежее августовское утро ты просыпаешься, и вместо того чтобы радоваться жизни, вдруг с непонятной тревогой осознаёшь — тебе уже за двадцать! Позади школа и пять лет, неизвестно куда подевавшихся, а что впереди — непонят-

но. То есть в том-то и дело, что как раз понятно — всё то же.

В понедельник Лёпа поднялся с тяжёлой головой и с мыслями о том, что всё это будет тянуться до самой смерти. Яичница с колбасой на завтрак, завод, цех, рассольник в столовой, домино и глупые матерные анекдоты в перекуры. Ну, кино, ну, танцы, девчонки разболтанные, сразу понятно, какие из них жёны получатся... Даже и думать не хочется. Ну, в санаторий в Судак на двадцать один день; в сентябре в деревню — деду картошку помочь убрать. И так до смерти? Грустно, товарищи, грустно, как сказал, кажется, А.П. Чехов. А даже если и не Чехов — какая разница, всё равно грустно. И даже печально.

Бросив ключ под коврик у двери, Лёпа вышел из подъезда и пошёл по не горячему ещё тротуару нога за ногу. Однако на полпути вдруг вспомнил про Ленку и сразу повеселел. После тренировки ему идти к ней домой. С ночёвкой. Первый раз.

С Ленкой их столкнуло совсем недавно на дурацком турслёте, в котором добровольно-принудительно пришлось поучаствовать от предприятия. То есть Лёпе принудительно. Ей-то эта комариная романтика как раз нравится.

Вечером, после соревнований, он тренькал на гитаре у костра и что-то там мурлыкал; а гитара на таких, как эта зеленоглазая, Лёпа заметил, действует, словно валерьянка на кошек. Вот и она подседа поближе, уставилась, улыбалась чему-то; пламя костра отражалось в её влажных малахитовых глазах.

Тут кто-то попросил Лёпу рассказать, как он Высоцкого хоронить ездил. А чего рассказывать, сел на поезд, да и поехал. Пугали, что из-за Олимпиады в Москву не пустят, но он не заметил, чтобы кого-то ловили и обратно отправляли. Нормально вышел с Казанского и добрался до места... Но вблизи Высоцкого, честно говоря, так и не увидел. Такая толпа собралась — не пробиться!

Всё почему-то как в тумане было. Жара стояла страшная, река из живых людей текла по тротуару, а милиция смотрела, чтоб на проезжую часть не сходили. И голос его из каждого открытого окна. Лёпа как во сне был... Не помнил даже, как обратно до вокзала добрался, как в вагон сел.

С Ленкой они после того турслёта стали встречаться каждый день. То на танцах в парке отдыха или в ДК, то в гостях у кого-нибудь, то на речке, на пляже, то бродили просто так по городу.

Она после школы устроилась на работу в парикмахерской, ученицей мастера, но летом поступила в здешний институт. В филиал МИФИ. Лёпа как-то спросил её, отчего не в столицу. Она в ответ пожалала плечами:

— Да мне без разницы, а мать считает, что наш городок, всё равно что район Москвы. Даже лучше — здесь спокойнее.

Тут она права — с городом им, конечно, повезло. Могли бы родиться где-нибудь в Урюпинске, или в Удоеве, или вообще в каком-нибудь Череззаборногузадерищенске на краю болота... Вот уж вообще тоска. А тут всё-таки город науки. Да ещё секретный. Да ещё с московским снабжением. Говорят, раньше даже прописка московская была. Но сейчас уже нет. Зато почти никакого дефицита. Разве что кофе... Почти коммунизм в отдельно взятом городке. Другое дело, что ни друзей, ни родственников не пригласишь. Отец рассказывал Лёпе, что первые годы даже в отпуск за зону не выпускали. Если только на похороны или в санаторий. В общем, закрытый город — он и есть закрытый город.

И вот вчера они допоздна гуляли по парку, а когда добрались до подъезда, выяснилось, что мамаша её уезжает в командировку, и, кося зеленоватым взглядом, Ленка, как бы мимоходом, предложила:

— Завтра после работы приходи ко мне. На ночь. Только учти, я лошадка необъезженная.

— Да я, — не подумав, ляпнул Лёпа, — вроде не ковбой...

— Ишь ты, за словом в карман не лезешь! Придёшь?

— Приду, конечно, только после тренировки. Пропустить нельзя, сама знаешь.

В общем, в цех под мысли о вечере Лёпа прискакал даже раньше, чем обычно.

Да, начинался этот понедельник не очень чтобы, но потом как-то разгулялось. До обеда Лёпа слонялся по цеху — заявок не было, и он то в курилку забредёт, то во двор выйдет посидеть на скамеечке с мужиками, то на склад сходит. Тут главное мастеру на глаза не попадаться — эту работу всегда найдёт. Заставит кабель мотать на барабан, или грузить чего-нибудь пошлёт, или ещё что. Ближе к обеду прибежал из оргстекла Агапит, попросил кусок цветного оргстекла согнуть. То есть настоящее-то имя его Олег, но все Агапитом зовут — больно уж он похож на героя «Отроков во Вселенной». Агапит из оргстекла чего только не выделывает — и плафоны для настольных ламп, и замысловатые накладки для электрогитар, и приборы настольные. Как он их только из цеха выносит. А гнуть оргстекло сам не умеет. Ну, Лёпа это в два счёта... Пока возились, и обед подошёл.

В столовую отправились вдвоём.

— В столовке девчонка новенькая, посудомойка. — Агапит ткнул Лёпу локтем в бок. — Ничего себе такая, симпатичная.

Лёпа её уже видел. Стройная, и личико симпатичное, но вот руки... Красные и шелушатся. Наверное, от горячей воды и соды. Или чем они там посуду моют. Жалко девчонку — кто на неё с такими руками позарится. Вот у Ленки руки — да, изящные, кожа гладкая. Вспомнив о Ленке, Лёпа даже подумал малодушно, может, пропустить тренировку-то. Разок. И сам же себя осадил: нельзя!

Работать после обеда никогда не хочется. Как ворочается, до обеда борешься с голодом, а после обеда со сном. Хочется развалиться на скамейке у ворот цеха под густыми липами, и смотреть, как воробьи дерутся из-за крошек, что народ с обеда принёс для них, да для синиц, да для почти ручных поползней. Хотя нет, поползней хлебные крошки не интересуют, этим подавай семечки подсолнечные. Он и присел было на зелёную изрезанную всевозможными глубокомысленными надписями скамью, но именно тут возникший из ничего мастер поманил пальцем — давай-ка сюда, бездельник, заявка поступила. И пришлось тащиться через полгорода в школьную столовую, ремонтировать отказавшую электромясорубку. До обеда это было бы хорошо: отремонтируешь, тебя здесь же и покормят даром. А если ты уже сыт, работать в пропахшей едой столовке — хуже нет.

Над мясорубкой провозились с напарником почти до пяти, и в цех мастер разрешил не возвращаться. Вообще-то в ремонтном цехе всё же лучше, чем, скажем, в токарном. Там с восьми до пяти как привязанный — у станка, у станка... А тут свободней — можно иногда по пути на заявку и сгульнуть куда. Без наглости, конечно.

Дома было тихо и пусто: младшие братья всё лето в деревне, а родители с работы вернутся позже. Бросив портфель с инструментом, Лёпа умылся, соорудил себе бутерброд с докторской колбасой и жевал его, запивая холодным молоком под бодрый голос из репродуктора. Диктор с воодушевлением вещал про Венецианский кинофестиваль, в котором примет участие советский фильм «Рассказ неизвестного человека».

Нарезая ещё один бутерброд, Лёпа усмехнулся — вспомнил, как младший брат, посланный в магазин за колбасой, попросил у продавщицы вместо докторской лечебную. Сметя крошки со стола и убрав в холодильник молочную пирамидку, он достал из шкафа сумку с кимоно. Своей формой Лёпа тайно гордился, поскольку у всех в секции самошитые кимоно были из тонкой, легко рвущейся бязи, и только у него изготовленное по профессиональным выкройкам дядей-портным из крепкого, плотного и приятно шероховатого репса. Не считая, конечно, сенсея; у того — настоящее фабричное кимоно, привезённое аж из Питера...

— Ить... ни... сан... си... го... року... сить... кать... ку... дзю!

На «дзю» Лёпа в унисон со всеми выбрасывал руку или ногу с особенно резким выдохом через нос — «хм-м!» или с придушенным криком «киа!». Десятый удар должен был быть самым резким и мощным. Город, работа, дом, даже Ленка на время словно бы пропадали. На стене висел флаг школы шотокан с изображением кулака и иероглифами; с

портрета на парней в самодельных разнокроенных кимоно иронически смотрел Фунакоши, основатель школы шотокан. Здесь была особая зона, которая никак не пересекалась с обычной жизнью за окном.

Тренировка длилась три часа, за это время отдохнуть можно было лишь два раза; сенсей говорил «минута!» — и ровно минуту можно было ничего не делать. Кто-то просто стоял, кто-то садился в позу лотоса, а кто-то валился на деревянный пол и лежал в изнеможении, пока не прозвучит команда на построение. Такие нагрузки выдерживал не всякий. А если учесть ещё и обязательные спарринги, во время которых тебе могли заехать и кулаком, и пяткой практически в любое место... В общем, осенью в группу набиралось человек по сорок, а к Новому году оставалось порой меньше половины.

«Ить!» — правая нога плавным движением вперёд, одновременно крепко сжатый кулак левой руки от пояса резко, с выдохом, выбрасывается на уровень солнечного сплетения. «Ни!» — правая рука от пояса взлетает по дуге вверх, защищая голову жестким блоком, «ударный» кулак возвращается к поясу. «Сан!» — левая нога вперёд, вылетает правый кулак, левая рука к поясу. «Си!» — блок...

Ровный голос сенсея, шелест кимоно, хлопки широких рукавов в момент ударов, сдавленное «киа!» — все ритмично, слаженно, четко — это завораживает, погружает в какой-то транс; стоит втянуться — и уже почти перестаёшь ощущать усталость, словно энергия всех передается каждому. И хотя к концу тренировки пот льёт ручьями, силы откуда-то находятся. Кто выдерживал три таких тренировки в неделю в течение полугода, из секции сам не уходил никогда. Другое дело, что могли и выгнать — дисциплина в школе была железная.

— Тут вам не комсомол, — говаривал староста группы Борис Собакин, — тут все по-настоящему.

От стадиона до Ленкиного дома с полчаса хода. Если бодрым шагом, и если через парк и висячий мост.

Лёпа любил гулять по вечернему городу не торопясь. Особенно в дождь. Идешь, дождик шуршит по асфальту, по листьям тополей и лип, серебрится в свете фонарей, пахнет травой и близкой речкой — хорошо. Лёпе казалось порой, что город — продолжение его квартиры, дома; всё знакомое, близкое, сто раз хожённое, с улицы в переулок пройти, словно с кухни в комнату. Идешь, думаешь, мечтаешь о чём-то... Вот пройдёт ещё двадцать лет — что будет? Будешь ли идти по этой самой улице снова или другую улицу на краю света доведётся топтать? И каким ты станешь тогда?..

Но сегодня Лёпа пролетел весь путь минут за пятнадцать, не видя ни лип, ни тополей, ни колокольни с антенной на макушке вместо креста, отражавшейся в тёмной воде реки.

Ленка открыла дверь, едва он нажал на кнопку звонка.

Мать у Ленки работает в горкоме партии. Секретарём по идеологии. И Лёпа, конечно, не их поля ягода, он понимает. Да и Ленка понимает, хоть и говорит, что ей всё равно. У Лёпы дома две полки с книжками. А тут — целых четыре книжных шкафа — битком. Лёпа, увидев такое богатство, про всё забыл. Столько книг в одном месте в обычной квартире Лёпа видел, пожалуй, только у Веры. Но у Веры мама — директор школы.

Лёпа трогал корешки, читал названия; некоторых авторов он знал, но большая часть была внове или слышал, но не читал. Одна тоненькая лежала поверх томов. Лёпа взял, прочитал вслух:

— «Один день Ивана Денисовича»... — крикнул возившейся на кухне с чайником Ленке: — Интересная книжка?

Девчонка выглянула из-за дверного косяка:

— А, Солженицын? Вещь!

— Дашь почитать?

Ленка неожиданно замылась:

— Понимаешь, Лёп, эту книжку нельзя из дому выносить. Она как бы... запрещена.

— А как же она у вас?

— Ну, мать же секретарь горкома.

Лёпа неожиданно для себя обиделся:

— Ну да, мы-то второсортные, малограмотные... Ненадёжные, в общем...

Ленка помолчала, потом сказала:

— Бери, но только на два дня, к приезду матери вернёшь. И никому не показывай, тут у них на днях какое-то ЧП приключилось. Очень серьёзное. Так что она на взводе.

— А что за ЧП?

— Не знаю я, но что-то очень серьёзное, она как раз по этому поводу и уехала в Горький.

— Лёп, а ты слышал про Чёрного человека? — спросила Ленка, когда они сели ужинать. — У нас в парикмахерской болтают невесть что.

— Слышал, — усмехнулся Лёпа, — да у меня сосед его видел! Дядя Коля. Шёл после второй смены домой через низину, а он из кустов вышел. Дядя Коля говорит, так дёрнул, что сам не знает, как дома оказался. Я его расспрашивал, как и что, а он говорит, что и не помнит толком ничего, испугался сильно. Только что высокий — больше двух метров, в чёрном балахоне и глаза светятся.

— У нас в парикмахерской говорят, с какой-то площадки сбежал, эксперимент проводили, и вот получилось...

— Да у вас в парикмахерской наговорят. Не знаю, что это за тип, но не думаю, что тут мистика или ещё что. Я бы вообще не поверил, если бы не дядя Коля, он в будни не пьёт, да и вообще не врёт.

— А что ж его не поймают?

— Анекдот помнишь про неувомимого Джо? Что, поймать не могут? Да кому он нафиг нужен... Рано или поздно выяснится.

— Да, наверное. А мне даже интересно, если тут что-то потустороннее.

Ну такая вот она — Лёпина девчонка, всё ей тайны, путешествия, мистика...

В спальне горел слабенький оранжевый ночник, делая комнату уютной и немного таинственной.

— Раздевайся, ложись, — кивнула Ленка на тахту, застеленную покрывалом «под тигра», и вышла, — я сейчас, только в ванную загляну.

Лёпа, прислушиваясь к гулу воды за открытой дверью, быстро сбросил с себя всё и нырнул под покрывало. Плеск в ванной стих, и через секунду в комнату вошла голая Ленка. Она картинно встала у косяка и, улыбаясь, посмотрела на Лёпу.

— Ну как, красивая я?

— Ещё бы, — вполне искренне отозвался Лёпа.

— Если бы я не боялась, что тебя посадят за порнографию, я бы тебе попозировала на фото.

Она щелкнула выключателем, ночник погас, но сквозь шторы пробивался свет уличного фонаря и играл бликами на летней бронзовой коже девчонки. Кожу эту хотелось гладить и целовать, чем Лёпа немедленно и занялся...

Он, хоть она и сказала, что кобылка необъезженная, был у неё не первым. Да и она у него была не первой.

Первый раз это случилось с Лёпой два года назад, в санатории. Он тогда собрался в свой первый отпуск, и в профкоме ему предложили путёвку в Судак. Конечно, зима не самое лучшее время для Крыма, но очень хотелось увидеть не виденное с детства море.

Познакомились, кажется, на третий день. Собственно, это она пригласила его вечером на танец, ну и...

Он плохо помнил, что тогда было. Хмельные дни и ночи пролетали мимо сознания. Сырая зимняя набережная, солёный ледяной ветер, терпкое вино в сумрачной «Бочке» под вечной генуэзской крепостью, зубчато зависшей над посёлком.

Она была заметно старше, всё время смеялась и подшучивала над Лёпой, а когда садилась в автобус до Симферополя, плакала. Но адреса не попросила. И своего не оставила...

Ленка уснула, прижавшись к нему горячим боком. За окном неестественно зеленела лохматая липа в подрагивающем неоновом свете фонаря, иногда проезжала запоздалая машина.

В ночной заоконной тиши Лёпа услышал далёкий гул взрыва. Оконные стёкла отозвались тоненьким дребезгом. На одной из лесных испытательных площадок взорвали очередной заряд. «Вот бы интересно посмотреть, как это у них там», — уже засыпая, подумал Лёпа.

Вторник

Тонкий солнечный луч медленно полз по подушке. Вот он коснулся щеки, согрел её, переполз на веко. Зелёный затуманенный глаз открылся, и Ленка, приподняв голову, оглядела разметавшегося во сне Лёпу. Что-то тепло отозвалось внизу живота, и Ленка принялась легонько кусать Лёпу за ухо. Лёпа открыл глаза и улыбнулся...

В цех вбежал запыхавшись. Успел. А торопиться-то и не стоило. Мастера вызвали в Управление на какое-то срочное совещание, и народ слонялся без дела. Говорили, что мастеров и начальников других цехов тоже погнали на совещание и что случилось что-то «из ряда вон». Ну, случилось и случилось, нашим легче; Лёпа вышел под липы и, достав из портфеля книжку, через минуту уже слышал посвист вьюги, скрип снега под ногами серой колонны в ватниках, хриплые голоса надзирателей, и даже морозец вроде пробежал меж лопатками...

Ближе к обеду из оформительского прибежал Агапит:

— Лёпа, тебя к телефону, Вера.

Странно, Лёпа давал ей свой рабочий, но не ожидал, что Вера ему позвонит.

Оказалось, закоротило утюг и в результате вырубился свет во всей квартире. Вера позвонила в ЖЭК, да там ей ответили, что электрик сможет подойти только к вечеру.

Быстрым шагом до Вериного дома минут десять, прикинул Лёпа и решил у мастера не отпрашиваться. Вряд ли его за полчаса до обеденного перерыва хватятся.

Лёпе нравилось бывать у Веры. Были они ровесниками, учились в одной школе, в параллельных классах, но Лёпе казалось, что она старше. Как-то в школьной библиотеке Вера увидела, как Лёпа листает журнал «Знание — сила» и сказала:

— Оригинальный журнальчик. Учёным статью хочешь?

— Неа, — чего-то засмутился Лёпа, — тут про природу, про животных иногда интересно пишут.

— А, природу любишь, — улыбнулась Вера, — Сетон-Томпсона читал?

— Читал.

— А Джеральда Даррелла?

— Конечно.

— А Фарли Моуэта?

— Не-ет. А кто это?

— Канадский писатель. Жил среди волков и написал про них книгу: «Не кричи, волки».

Книжки этой в школьной библиотеке не оказалось, и Вера принесла ему её из дому. Не сказать, что они очень уж подружились, но приятельские отношения у них завязались. Вера «подкармливала» Лёпу интересными книжками из домашней библиотеки, а чем он был ей интересен, он и сам не понимал. Ма-

ма у Веры директор школы. Не той, в которой они учились. А отец большой начальник в Управлении, в Красном доме, как его все называли в городе. Вера не чванилась, познакомилась даже с Лёпиной компанией, несколько раз приходила посмотреть их тренировки в секции каратэ. Вообще-то, посторонних на тренировки не пускали, но отец сенсея тоже был из Красного дома, так что...

Всё в квартире Веры было просто, но как-то... солидно, что ли. Всё к месту, всё удобно.

Правда, вот семь слоников на пианино казались Лёпе не к месту. Не интеллигентские слоники.

— Слоники — это же мешанство, — так он и сказал однажды.

Вера в ответ усмехнулась:

— Мешанство не в слониках и вообще не в вещах, а в самом человеке, в его отношении к вещам. Этим слоникам знаешь сколько лет. Они маме от бабушки достались. Дореволюционные слоники.

Сняв в прихожей ботинки и отказавшись от тапочек, прошёл в комнату, подмигнув по пути желтоватым от времени слоникам, и взял утюг. Ну, конечно, матерчатая оплётка провода перетёрлась и измахрилась, а резиновая растрескалась. Медные жилки выглядывали из оплётки, одна из них почернела. Ну, да — «коза», короткое замыкание. Лёпа пошёл к счётчику, вывернул пробки.

— Новые есть? — спросил он у наблюдавшей за ним Веры.

Вера порылась в тумбочке, в ящиках комода:

— Кажется, нет.

— Ну, поставлю пока «жучок». — Лёпа покопался в портфеле, отыскивая подходящую проволочку. — Но нужно купить пробки и заменить.

Потом он занялся утюгом. Зачистил обгоревшие концы, плотно прикрутил их к клеммам и тщательно заматал синей изолентой. Потом поднял оплётку и закрепил её чёрной — в цвет шнура — изолентой.

— Как новенький! — сказал он Вере и воткнул (Вера зажмурилась) вилку в розетку. — Готово, работает...

Вера хотела накормить его обедом, но Лёпа отказался. Сказал, что торопится, на самом же деле постеснялся. Один раз он обедал здесь и до сих пор помнил чувство собственной неполноценности. Всё было не так, как дома. Первое наливали не из кастрюли, а из специальной супницы, рядом с приборами лежала салфетка, с которой он не знал что делать. Тарелку, доедая суп, наклоняли не к себе, а от себя, и чего уж говорить про нож и вилку... В общем, это был не обед, а мучение.

Вот странно, все говорят про равноправие, про то, что при социализме все равны. Но какое же равенство, если даже обедают все по-разному. Не говоря уж о том, что у Вериного отца бежевая «Волга», а у Лёпиного отца — мотоцикл «Иж» с коляской. Или вот Ленкиной матери можно читать Солженицына, а ему, Лёпе, нельзя. Конечно, Лёпе живётся значи-

тельно лучше, чем какому-нибудь негру его возраста где-то в Оклахоме, тут спору нет, но всё же...

В обеденный перерыв за Лёпой заехал на рафике Лёня-Челюсть. В салон уже набилась вся компания, включая Колёсика и Наташку. Лёпе сунули в руки бутылку молока и полбатона с куском колбасы:

— Ешь по дороге, купаться поедом на Варламовку, — свою порцию «обеда» Колёсик уже доедал.

Рафик весело бежал по шоссе, промелькнули окраинные девятиэтажки, потянулся густой хвойный лес с узкими прямыми просеками, ведущими к закрытым площадкам. Дорога вела на выезд из города в сторону Мордовии, к КПП, а на полпути как раз и расположилось небольшое лесное озерцо. Вообще-то это было не озеро, а пруд. Его давным-давно соорудили монахи. Отец, помнится, рассказывал, что здесь, на берегу Варламовки, жил знаменитый монах — то ли Назарий, то ли Герман, который потом уехал и стал православным проповедником на Аляске. Откуда это стало известно отцу, Лёпа спросить как-то не догадался. А вот клады, спрятанные монахами в монастыре, они в детстве искали, облазили все закоулки, галереи и «ходы», которые только смогли обнаружить. В одном из таких «ходов» — видимо в печном дымоходе — Лёпа однажды застрял, напугавшись до полусмерти и напугав тогдашних своих дружков — Игоря и Васю. Странно, думалось Лёпе, вот были друзья не разлей вода, а потом вдруг незаметно раздружились. И не ссорились, не ругались, просто перестали встречаться непонятно по какой причине.

— А говорят, там, в Варламовке, вода с радиацией, — сказал осторожный Саня. — Там же грязная площадка... Вроде бы даже рыбу двухголовую вылавливали...

— Ну и что? — засмеялась Наташка. — Тебе, например, вторая голова не помешала бы.

— Тебе самой и три мало было бы, — огрызнулся Саня.

— Враньё всё это, — подал из-за руля голос Лёня-Челюсть, — у меня там батя всю жизнь работает, у них специальные очистные есть, и всё уходит в другую сторону, в заповедник.

Лёпа вспомнил деревенские разговоры о городе. Мол, всё там — и заводы, и лаборатории, и даже аэродром — под землёй, везде радиация, поэтому и зарплаты немислимые.

Никаких подземных аэродромов и заводов здесь, конечно, не было, а вот зарплаты хоть и не немислимые, но хорошие, да ещё к ним двадцать процентов «зональных» приплачивают. Как бы за неудобство проживания за колючкой.

В прозрачной, с приятной зеленцой воде было хорошо остывать от августовского зноя. Лёпа отплыл чуть в сторону, набрал полную грудь воздуха и, нырнув, ухватился за донную корягу. Он при-

нялся считать — один, два, три... Воздух рвался из лёгких, сердце начинало стучать в висках. На пятидесяти Лёпа вынырнул, недовольно отфыркиваясь. Меньше минуты — мало. Он снова глубоко вдохнул и, нырнув, с открытыми глазами поплыл к купающимся. Ближе к пляжу вода слегка помутнела, но он увидел среди множества белых двигающихся ног стройные ноги Наташки. Он хотел было ущипнуть её за круглую ягодицу, но, вспомнив про Ленку, передумал и вынырнул прямо перед ней, слегка испугав.

— Фу ты, водяной! — брызнула в него Наташка. — Опять ныряешь!

Лёпа вышел на берег, нужно было обсохнуть до отъезда. Он отошёл за ежевичник, тянувшийся вдоль берега, и, сняв трусы, хорошенько отжал их.

Здрав голову и зажмутив глаза, постоял под пробивающимися через сосновые кружева солнечными лучами, и ему вдруг представилось, как по тропке бредёт в чёрной рясе согбенный старый монах. Вот сосны те же, озеро то же, песок, а где он — монах, уехавший на Аляску, вспоминал он потом эти сосны и это озерцо?

Лёпе нравилось здесь, нравился этот лесной, настоящий на сосновой смоле, горячем песке и зацветающей воде, дух. Хорошо, нанырвавшись вдосталь, броситься грудью на горячий песок, закрыть глаза и слушать крики купающихся, плеск воды, плотный гул леса или, повернувшись на спину, смотреть и смотреть, как в сатиновом отцветающем к осени небе плывут ватные белоснежные облака. Куда плывут, откуда... Нет для них ни КПП, ни колючей проволоки, не страшны им остроухие восточноевропейские овчарки...

На обратном пути Саня с Юрцом заспорили про Жана Татляна. Юрец утверждал, что Татлян француз, имя-то французское, а Саня говорил, что еврей. Никто, конечно, толком не знал, и спор был глупый, но весь рафик включился в свару, пока Наташка не сказала:

— Чего вы спорите, дурачки, — армянин он. А родился в Греции.

— Как это, армянин — и в Греции, и откуда ты знаешь?! — вскинулся Юрец.

— От верблюда! У мамки журнал был, где про него было написано всё. И пластинок куча. Это сейчас он запрещённый, а тогда, десять лет назад, знаменитый был на весь СССР, пока во Францию не уехал.

— А чего он уехал?

— Не знаю, говорят, зажимать стали...

Тут опять заспорили. Правильно зажимают или неправильно. Колёсик был категоричен:

— Этих диссидентов нужно всех за шиворот и — нафиг из страны! Не нравится — другим не мешай.

Эх, Малыша здесь нет, улыбнулся про себя Лёпа, вот бы сцепились! Малыш говорил: я за советскую власть, но без легавых и начальников, и чтоб за гра-

ницу ездить можно было всем, а не только избранным. Но бывший Лёпин одноклассник Миха Малышенко в эту компанию почему-то не вписывался.

Когда уже подъезжали, не споривший Лёня-Челюсть очень кратко подвёл итог дискуссии, сказав:

— Предатели. Денег больше хотят, и всё. Вон Высоцкого тоже зажимали, а он не уехал, несмотря на Марину Влади.

В цеху Лёпу уже ждал Агапит с очередной поделкой. Заявок не было, и Лёпа принялся помогать приятелю.

— Лёп, а давай за Чёрным человеком охотиться, — предложил заглядывающий через плечо Агапит. — У меня бинокль есть, устроим засаду. Он ведь в основном в нашем районе появляется, вчера опять кого-то до полусмерти напугал. Можно, например, на крыше тира засесть.

— Ты как маленький, может, ещё за привидениями поохотимся?

— Вот ты не веришь, а привидения существуют, — обиделся Агапит, — просто учёные пока зафиксировать не могут. И объяснить. Ну не хочешь — и не надо, я Миху-Малыша позову, он пойдёт.

Кстати, о Малыше, подумал Лёпа, не забыть по работе забежать к нему за нунчаками.

Малыш выточил нунчаки из бука, отполировал, и зализанную шестигранную поверхность боевых палок приятно было ощущать ладонями. Скреплены они были сыромятным ремешком.

— Прочные? — спросил Лёпа, осматривая места крепления ремешка. Узлы казались надёжными.

— А то, — отозвался Малыш, — фанеру-трёхслойку пробивают, я попробовал, никаких сколов и ремешок не протирается. Будь спок.

Лёпа вышел на середину комнаты, посмотрел, не заденет ли люстру, и принялся крутить нунчаки, усоря их пропеллерное вращение почти до прозрачности. «Завтра на тренировке ребятам покажу, — думал он, — не хуже, чем у сенсея...»

— Классная штука, — покачал головой Малыш, — нужно, пожалуй, и себе такие сделать. Научишь?

— Запросто.

— Слушай, пакеты не нужны? — спросил Малыш, когда Лёпа собирался уходить. — Смотри, есть с цветами, с «Мальборо», с Парижем и с джинсовой ж...й.

Лёпа знал, что Мишкин брат фарцевал, и, хотя в душе дела этого не одобрял, иногда всё же пользовался возможностью прикупить дефицита. Именно так у него появилась пластинка Высоцкого, выпущенная в Болгарии.

Пластиковые пакеты в городе появились недавно и были «последним писк». Оно и понятно: одно дело — с авоськой идти, и совсем другое — с ярким красивым пакетом.

— Почём?

— Вообще, по пятёрке штука, но тебе за трёшку отдам.

— Беру вот этот, с джинсой, трёшку потом отдам, нет с собой.

«Подарю Ленке», — решил про себя Лёпа.

Ленкина мамаша вернулась из Горького раньше, чем планировала, и Лёпа наотрез отказался идти вечером в гости. На Ленкины уговоры отвечал:

— Что за смотрины?! Не кони гоней, успеем ещё познакомиться. Давай лучше в кино сходим, в «Октябре» «Территория» идёт, я книгу читал — мне очень понравилась, про геологов, золотоискателей.

— Читала. Олег Куваев, да, хороший роман.

Ленкиной матери Лёпа не то чтобы побаивался, а как-то не понимал, как себя с ней вести. Отец хоть и сам бригадир, нет-нет, да и скажет «поближе к кухне, подальше от начальства». Вот задаст она ему какой-нибудь каверзный вопрос, а он и не найдётся, что ответить. Не хотелось перед Ленкой простаком выглядеть.

В кино они не пошли, просто бродили по городу, ели мороженое в кафешке, потом сидели у реки. Ленка снова завела разговор про Чёрного человека; будто бы какого-то дядьку после встречи с ним увезли на «скорой» с сердечным приступом. А Лёпа рассказал про совещание, на которое утром гоняли начальство из цеха. Решили, что это из-за того самого ЧП. Но что за ЧП, Ленка не знала.

— Мать ходит злая, — пожаловалась она, — бурчит что-то под нос, но ничего не рассказывает, узнаешь, говорит, когда время придёт.

Прощаясь, они долго целовались в подъезде. Лёпа трогал девчонку и задыхался от нежности.

— Мать скоро в санаторий уедет, — отрываясь от Лёпы, пробормотала Ленка, — вот тогда...

Словно пьяный, он бродил по улицам, не узнавая их, и потихоньку успокаивался.

Совсем уже запоздно Лёпа забрался на чердак. И, как и ожидал, при жиденьком огоньке свечи увидел там всех: и Колёсика, и Папулю, и Санька, и Юрца, и Малого... Сидели вокруг положенной на кирпичи двери и слушали Наташку — спортсменку и красавицу, непонятно отчего якшавшуюся с дворовой шпаной. А та вещала о том, что в городе разоблачили молодёжную подпольную организацию «Феникс».

— Всех повязали! — сверкая глазами, энергично сипела Наташка. — И главное все — дети учеников! И все комсомольцы! Из рабочих только один паренёк, и то ему так голову запудрили... Говорят, теперь их посадят, а родителей, несмотря что заслуженные, из города — в двадцать четыре часа...

Лёпа слушал и не верил. Но мамаша у Наташки работала бухгалтершей в Красном доме, где сидело начальство, и знала всё. В голове не укладывалось: как это — в Советском Союзе, в секретном городе, комсомольцы и — такое!

На двери, застеленной газетами, стояла бутылка портвейна, валялись плавленные сырки «Дружба» и распечатанная пачка печенья. Кто-то затыкнулся сигаретой, и Наташка брезгливо замахала ладошкой.

В Наташку Лёпа когда-то был влюблён. Жила она в соседнем подъезде, была лёгкой и шустрой, как мальчишка; и всё лето после третьего класса, когда она появилась в их школе, Лёпа рыскал с ней по чердакам и подвалам окрестных домов, в поисках неизвестно чего. Им хватало друг друга и тех игр, что они сами выдумывали, начитавшись Конан Дойла и Купера.

Странная штука — любовь. То тебе нравятся рыженькие и полненькие, то вдруг совсем наоборот — худенькие и чёрненькие...

Вдруг Лёпе подумалось: детство кончается, когда приходит первая любовь. Вот только что Наташка была обычной соседской девчонкой, а жизнь была легка и беззаботна. И вдруг... И ведь Наташка знала, что она красавица. Как-то догадалась, поняла, что выбор за ней. И сразу всё изменилось. Уже и в голову не приходило подбежать к ней, хлопнуть по спине и крикнуть: Натаха, айда купца резать, и бежать сломя голову к речке, сбрасывая на ходу футболку, трусики и полукеды, чтобы с маху врезаться в прохладную воду и — наперегонки.

Наташка взрослела на глазах, обгоняя соседских пацанов-сверстников. У кого она научилась так тонко-иронично улыбаться? Эта улыбка моментально указывала тебе на твоё законное место — пацан!

Однажды она принесла во двор «голые карты», то есть карты, на которых королей, валетов и дам изображали голые люди. «Тебе ещё рано», — с улыбочкой сказала она, когда Лёпа сунулся было посмотреть.

Это было безнадежно. Она нацелилась на взрослую жизнь, она метила в актрисы или, на худой конец в манекенщицы. «Мы же друзья», — говорила она, если Лёпа обижался, и от этого было только хуже...

А потом вдруг всё прошло, как рукой сняло. Ну да, красивая, ну да, спортсменка — ну и что? Вот Ленка не такая уж и красивая, а от неё мурашки по телу...

Да, любовь вообще тёмная история. И до тюрьмы довести может, а то и до смерти. Тут Лёпе вспомнилась та недавняя история с убийством. Странная история...

Его старший двоюродный брат Коля любил соседскую девчонку Аню. Оба они учились в ПТУ. Сначала Аня гуляла с Колей и думала, что это серьёзно, но однажды на танцах в городском ДК она познакомилась с Женей, и Женя стал иногда приглашать её на свидания. Женя только что закончил десятый класс спецшколы и поступил в институт. После того как она побывала на дне рождения Жени в его доме — симпатичном коттедже на тихой зелёной улице, Аня окончательно поняла, что ей нужен только он — Женя, и никто больше.

Коля был сильный, спортивный, и Ане это нравилось. Но Женя очень стильно одевался, и родители у него были не из простых. Папа — учёный, мама — врач. У Коли и у Ани родители были как раз из простых. Правда, мама у Ани работала в магазине, и Аня тоже неплохо одевалась. И у них даже был цветной телевизор, чем из всего трёхподъездного Аниного дома могли кроме них похвастаться только жильцы из пятнадцатой квартиры.

— Коля, конечно, ничего, — соглашалась с Аниным выбором лучшая подруга Люся, — но Женя — это другой уровень, понимаешь? Совсем другой уровень.

Аня, конечно, понимала. Она старалась, она усиленно работала над собой, над манерами, следила за речью. А в окружении друзей из ПТУ это было нелегко.

Коля очень сильно разозлился. Как-то раз он подстерёг Аню и Женю на городском пляже и полез в драку. Женя на вид был слабее Коли. У него не было таких бицепсов, да и ростом он был пониже, но побить его Коля не смог. Оказывается, Женя ходил в секцию дзюдо. После короткой схватки Коля оказался лежащим на песке и песком же отплёвывавшимся, а Женя сидел на нём и выкручивал его руку с бесполезным бицепсом. Конечно, Женю могли побить друзья Коли, это был их пляж, но Коля не позволил.

Всё лето Аня и Женя были вместе. В августе родители Жени уехали в отпуск в Ялту, и он пригласил Аню к себе домой. Они пили вино, ели мясо, приготовленное Женей на мангале во дворе коттеджа, и Аня осталась ночевать. Утром они побежали на речку и, купаясь, он подхватывал её на руки и целовал мокрую кожу. Будущее рисовалось Ане очень радостным и светлым. Правда, Женя не часто приглашал её в гости, и только с компанией, но Аня надеялась, что скоро всё изменится.

Осенью в ПТУ она встретилась с Колей. Они постояли, поговорили об общих друзьях, кто где был летом, кто чем занимался. И разошлись.

Пришла зима, и Ане казалось, что Женя уже должен бы был предложить ей выйти за него замуж. Но он не предлагал, а сама она никак не решалась об этом заговорить. Встречаться они стали гораздо реже, Женя очень уставал в институте. Иногда они встречались в пляжной беседке. Когда наедине, когда в компании. Когда встречались в компании, пили портвейн, когда наедине, Женя с весёлым, пугающим Аню хлопком открывал шампанское.

Как-то так вышло, что Женя подружился с друзьями Коли, и как раз там, в пляжной беседке, они порой выпивали и веселились. Колины друзья научили Женю играть в карты, а Женя доставал для них кое-какие вещи. Да и портвейн, как правило, покупал Женя.

Женя ещё несколько раз приглашал Аню к себе домой, и у них было ещё несколько замечательных